

И. Коляда, М. Главацкий, А. Кириенко Николай Костомаров

*Нашим и нами
любимыми любимым*

ДЕТСТВО: ПЕРВЫЕ УРОКИ

Николай Иванович Костомаров (псевдонимы — Иеремия Галка, Иван Богучаров) родился 4(16) мая 1817 года в слободе Юрасовка, ныне Ольховатского района Воронежской области, в семье помещика, отставного капитана Ивана Петровича Костомарова и крепостной Татьяны Петровны Мыльниковой (впоследствии — Т. П. Костомарова). Один из самых далеких предков ученого проживал на территории Московского государства и был известен лишь тем, что в числе бежавших оттуда в правление Ивана Грозного оказался на Волыни у князя Андрея Курбского. Во время кровавых казацких войн, принесших неисчислимые бедствия простому люду, разбитые поляками казачьи войска под предводительством Остряницы (Острянина) и Гуни вынуждены были спасаться бегством в пределы Московского государства. Вместе с казачеством туда же в

пустынные степи по течению Арона и Хопра переселился род Костомаровых.

Николай Иванович впоследствии вспоминал: «Фамильное прозвище, которое я ношу, принадлежит к старым великорусским родам дворян, или детей боярских. Насколько нам известно, оно упоминается в XVI веке; тогда уже существовали названия местностей, напоминающие это прозвище, — например, Костомаров Брод на реке Уфе. Вероятно, и тогда уже были существующие теперь села с названием Костомарове находящиеся в губерниях Тульской, Ярославской и Орловской».

При Иване Васильевиче Грозном сын боярский Самсон Мартынович Костомаров, служивший в опричнине, убежал из Московского государства в Литву, был принят ласково Сигизмундом Августом и наделен поместьем в Ковельском уезде. Он был не первый и не последний из таких перебежчиков. При Сигизмунде III по смерти Самсона данное ему поместье разделилось между его сыном и дочерью, вышедшею замуж за Лукашевича. Внук Самсона, Петр Костомаров, пристал к Хмельницкому и после Берестецкой катастрофы подвергся банниции и потерял свое наследственное имение сообразно польскому праву кадука. Это следовало из письма короля воеводе Киселю об имениях, подлежащих

тогда конфискации. П. Костомаров вместе со многими волынцами, приставшими к Хмельницкому и ставшими казаками, ушел в пределы Московского государства. То была не первая колония из выходцев юго-западных русских земель. Еще в царствование Михаила Федоровича появились села украинцев по так называемой Белгородской черте, а город Чугуев был основан и заселен казаками, убежавшими в 1638 году с гетманом Я. Остряниным; при Б. Хмельницком же упоминаемое переселение казаков на московские земли было первое в своем роде. Всех перешедших в то время было до тысячи семей; они состояли под начальством предводителя Ивана Дзинковского, носившего звание полковника. Казаки эти хотели поселиться поблизости к украинским границам, где-нибудь недалеко от Рыльска или Вельска, но московское правительство разрешило им поселиться только далее к востоку. На их просьбу дан был такой ответ: «Будет у вас с польскими и литовскими людьми частая ссора, а оно получше, как подальше от задора». Им отвели для поселения место на реке Тихая Сосна, вслед за тем был построен казачий городок Острогожск. Из местных актов видно, что название это существовало и прежде, потому что об основании этого города говорится, что он поставлен на Острогожском

городище. Так начался Острогожский полк, первый по времени из слободских полков.

В окрестностях новопостроенного города начали разрастаться хутора и села: край был привольный и плодородный. П. Костомаров был в числе поселенцев, и, вероятно, эта фамилия дала название теперь многолюдной Костомаровой слободе на Дону. Потомки пришедшего с Волыни П. Костомарова укоренились в Острогожском крае, и один из них поселился на берегу реки Ольховатки и женился на воспитаннице и наследнице казацкого чиновника Юрия Блюма, построившего во имя своего ангела церковь в слободе, им заложенной и по его имени названной Юрасовкой. Это было в первой половине XVIII столетия. Имение Блюма перешло к Костомаровой. К этой ветви принадлежал отец Николая Ивановича. Костомаров про своего отца вспоминал: «Отец мой родился в 1769 году, служил с молодых лет в армии, участвовал в войске А. Суворова при взятии Измаила, а в 1790 году вышел в отставку и поселился в своем имении Острогожского уезда в слободе Юрасовке, где я родился».

Отец Николая Ивановича сообразно тому времени получил недостаточное образование и впоследствии, сознавая это, постоянно старался пополнить недостающие знания чтением. Он много читал, постоянно выписывал книги, выучил даже

французский настолько, что мог читать в оригинале, хотя и с помощью лексикона. Любимыми сочинениями его были сочинения Вольтера, Даламбера, Дидро и других энциклопедистов XVIII века. К личности Вольтера он питал особое уважение, доходившее до благоговения. Благодаря такому направлению отец Костомарова стал типичным старинным дворянином-вольнодумцем. Он фанатично отдался материалистическому учению и стал отличаться крайним неверием, хотя, по мнению его учителей, ум его колебался между совершенным атеизмом и деизмом. «Его горячий, увлекающийся характер часто доводил его до поступков, которые в наше время были бы смешны; кстати и некстати он заводил философские разговоры и старался распространять вольтеризм там, где, по-видимому, не представлялось для этого никакой почвы. Был ли он в дороге — начинал философствовать с содержателями постоянных дворов, а у себя в имении, собирая кружок своих крепостных, читал им филиппики против ханжества и суеверия. Крестьяне в его имении были из местного украинского населения и туго поддавались вольтерианской школе; но из двора было несколько человек из Орловской губернии, из его материнского имения; и последние, по своему положению дворовых людей имевшие возможность

частых бесед с баринoм, оказались более понятливыми».

Острогожский уезд со всею южной частью Воронежской губернии в то время принадлежал к Слободско-украинской губернии. В политических и социальных понятиях отца Николая Ивановича господствовала какая-то смесь либерализма и демократизма. Он любил толковать всем и каждому, что все люди равны, что отличие по породе есть предрассудок, что все должны жить, как братья, но это не мешало ему при случае показать над подчиненными и господскую палку или дать затрещину, особенно в минуту вспыльчивости, которой он не умел сдерживать; зато после каждой такой выходки он просил прощения у оскорбленного слуги, старался чем-нибудь загладить свою ошибку и раздавал деньги и подарки. Лакеям до такой степени это понравилось, что бывали случаи, когда его сердили с намерением, чтобы довести до вспыльчивости и потом сорвать с него куш. Впрочем, его вспыльчивость реже приносила вред другим, чем ему самому. Однажды, например, рассердившись, что ему долго не несут обедать, он в припадке гнева перебил великолепный столовый сервиз саксонского фарфора, а потом, опомнившись, сел в задумчивости, начал рассматривать изображение какого-то древнего философа, сделанное на

сердолике, и, подозвав сына к себе, прочитал ему со слезами на глазах нравоучение о том, как необходимо сдерживать порывы страстей. С крестьянами своего села он обходился ласково и гуманно, не стеснял их ни поборами, ни работами; если приглашал что-нибудь делать, то платил за работу дороже, чем чужим, сознавал необходимость освобождения крестьян от крепостной зависимости и не скрывал этого перед ними. Вообще, надо сказать, что если он позволял себе выходки, противоречащие проповедываемым убеждениям свободы и равенства, то они проявлялись помимо его желания, от неумения сдерживать порывы вспыльчивости; поэтому все, кто не обязан был часто находиться при нем, любили его. В его характере не было никакого барского тщеславия; верный идеям своих французских наставников, он ни во что не ставил дворянское достоинство и терпеть не мог тех, в ком замечал желание щегольнуть своим происхождением и званием.

Николай Иванович впоследствии вспоминал: «Как бы в доказательство этих убеждений он не хотел родниться с дворянскими фамилиями и уже в пожилых годах, задумавши жениться, избрал крестьянскую девочку и отправил ее в Москву для воспитания в частное заведение, с тем чтобы впоследствии она стала его женою». Это было в

1812 году. Вступление Наполеона в Москву и сожжение столицы не дало ей возможности продолжать начатое образование: отец Николая Ивановича, услышав о разорении Москвы, «послал взять свою воспитанницу, которая впоследствии и сделалась его женою и моею матерью. Я родился 4 мая 1817 года. Детство мое до десяти лет протекало в отеческом доме без всяких гувернеров, под наблюдением одного родителя. Прочитав «Эмиля» Жан-Жака Руссо, мой отец прилагал вычитанные им правила к воспитанию своего единственного сына и старался приучить меня с младенчества к жизни, близкой с природою: он не позволял меня кутать, умышленно посылал меня бегать в сырую погоду, даже промачивать ноги, и вообще приучал не бояться простуды и перемен температуры. Постоянно заставляя меня читать, он с детских моих лет стал внушать мне вольтеррианское неверие, но этот же нежный возраст мой, требовавший непрестанных обо мне попечений матери, давал ей время и возможность содействовать этому направлению. В детстве я отличался необыкновенной памятью: для меня ничего не стоило, прочитавши раза два какого-нибудь вольтерова «Танкреда» или «Заиру» в русском переводе, прочитать ее отцу наизусть от доски до доски. Не менее сильно развивалось мое воображение. Местонахождение усадьбы, в которой

я родился и воспитывался, было довольно красиво. За рекой, текшею возле самой усадьбы, усеянную зелеными островками и поросшею камышами, возвышались живописные меловые горы, испещренные черными и зелеными полосами; от них рядом тянулись черноземные горы, покрытые зелеными нивами, и под ними расстился обширный луг, усеянный весной цветами и казавшийся мне неизмеримым живописным ковром. Весь двор был окаймлен по забору большими осинами и березами, а сбоку тянулась тенистая роща с вековыми деревьями. Отец мой нередко, взявши меня с собой, садился на земле под одной старой березой, брал с собою какое-нибудь поэтическое произведение и читал или меня заставлял читать; таким образом, помню я, как при шуме ветра мы читали с ним Оссиана и, как кажется, в отвратительном прозаическом русском переводе. Бегая в ту же рощу без отца, я, натываясь на полянки и на группы деревьев, воображал себе разные страны, которых фигуры видел на географическом атласе; тогда некоторым из таких местностей я дал названия. Были у меня и Бразилия, и Колумбия, и Лаллатская республика, а бегая к берегу реки и замечая островки, я натворил своим воображением Борнео, Суматру, Целебес, Яву и прочее. Отец не позволял моему воображению пускаться в мир фантастический, таинственный, он

не позволял сказывать мне сказок, ни тешить воображение рассказами о привидениях; он щекотливо боялся, чтобы ко мне не привилось какое-нибудь вульгарное верование в леших, домовых, ведьм и т. п. Это не мешало, однако, давать мне читать баллады В. Жуковского, причем отец считал обязанностью постоянно объяснять мне, что все это — поэтический вымысел, а не действительность. Я знал наизусть всего «Громобоя»; но отец объяснял мне, что никогда не было того, что там описывается, и быть того не может. Жуковский был любимым его поэтом; однако же отец мой не принадлежал к числу тех ревнителей старого вкуса, которые, питая уважение к старым образцам, не хотят знать новых; напротив, когда явился А. Пушкин, отец мой сразу сделался большим его поклонником и приходил в восторг от «Руслана и Людмилы» и нескольких глав «Евгения Онегина», появившихся в «Московском вестнике» 1827 года».

Мать Николая Ивановича, Татьяна Петровна, украинка из крепостных, как уже упоминалось, приглянулась барину еще девочкой, была отправлена на учебу в Москву в частный девичий пансион и получила хорошее образование и воспитание. Внебрачная связь с Иваном Петровичем привела к рождению ребенка, не усыновленного из-за трагической смерти родителя,

принятой от рук собственной дворни. Родня помещика была против женитьбы на крестьянке. Венчание с добродушной и кроткой барышней состоялось где-то в другом месте в сентябре 1817 года, но уже после рождения сына 4 мая.

Старый Костомаров любил свою жену — красавицу и очень умную женщину, но держал ее, как и всех в своем доме, в строгости и на почтительном расстоянии от себя. Татьяна занимала две комнаты и жила в них одиноко с новорожденным сыном, выходя из них редко и только по особому вызову.

Ребенок, одаренный необыкновенной памятью и блестящими способностями, в том числе и к музыке, находился под влиянием отца, который души в нем не чаял, подчеркивая всякий раз перед всеми и особенно перед своими родственниками, что это его наследник; учил сына читать, и смысленный мальчик быстро научился понимать смысл букв и освоил чтение, что приводило Ивана Петровича в восхищение: «Ты у меня умница и честный мальчик. Терпеть не могу лгунишек — и если ты хоть раз солжешь, то я тебе не отец, а ты мне не сын!»

От отца Николаю Ивановичу суждено было унаследовать одну, но пагубную черту — сильную раздражительность.

Начало учебы в 1827 году не предвещало будущему ученому ничего хорошего. Н. И. Костомаров так вспоминал впоследствии об этом периоде своей жизни: «Когда мне минуло десять лет, отец повез меня в Москву. До того времени я нигде не был, кроме деревни, не видал даже своего уездного города. По приезде в Москву мы остановились в гостинице «Лондон» в Охотном ряду, и через несколько дней отец повел меня в первый раз в театр. Играли «Фрейшнугов». Несколько дней меня занимало увиденное в театре и мне до чрезвычайности снова хотелось в театр. Отец повез меня. Давали «Князя Невидимку» — какую-то глупейшую оперу, теперь уже упавшую, но тогда бывшую в моде. Несмотря на мой десятилетний возраст я понял, что между первой виденною мною оперою и второю — большое различие и что первая несравненно лучше второй. Третья виденная мною пьеса была «Коварство и любовь» Шиллера. Мне она очень понравилась, отец мой был тронут до слез; глядя на него, и я принялся плакать, хотя вполне не мог понять всей сути представляемого события».

Подростка Николая Костомарова, подобно многим богатым барчукам, отдали в частный пансион господина Ге, преподавателя французского языка в университете. Первое время его пребывания после отъезда отца из Москвы

проходило в беспрестанных слезах; Николаю было невыносимо тяжело и одиноко в чужой стороне и среди чужих людей; юному подростку все время рисовались картины покинутой домашней жизни и матушка, которой была тяжела разлука с сыном. Мало-помалу учеба начала Николая захватывать и тоска улеглась. Он приобрел признание товарищей; содержатель пансиона и учителя удивлялись памяти и способностям Николая Ивановича. Однажды, например, забравшись в кабинет хозяина, он отыскал сборник латинских крылатых выражений и за каких-нибудь полдня выучил все наизусть. По всем предметам Н. Костомаров учился хорошо, кроме танцев, к которым, по приговору танцмейстера, «не показывал ни малейшей способности». Будущий ученый вспоминал: «Через несколько месяцев я заболел; отцу написали об этом, и он внезапно явился в Москву в то время, как я не ждал его. Я уже выздоровел, в пансионе был танцкласс, как вдруг отец мой входит в зал. Поговоривши с пансионосодержателем, отец положил за благо взять меня с тем, чтобы привезти снова на другой год после вакаций. Впоследствии я узнал, что человек, которого отец оставил при мне в пансионе в качестве моего дядьки, написал ему какую-то клевету о пансионе; кроме того, я слышал, что сама болезнь, которую я перед тем испытал, произошла от отравы, поданной мне этим дядькой,

которому, как оказалось, был в то время расчет во что бы то ни стало убраться из Москвы в деревню. Таким образом, в 1828 году я был снова в деревне — в чайнии после вакаций снова ехать в московский пансион; между тем над головой моего отца готовился роковой удар, долженствовавший лишить его жизни и изменить всю мою последующую судьбу».

Иван Петрович еще сильнее восхищался даровитостью своего сына, часто возил по лесам и твердил ему при кучерах и лакеях: «пойдем, Николай, обзреть твои леса». Всякому встречному он неосторожно говорил: «Откладывать больше не стану, отвезу с каникул Николая в пансион, а сам отправлюсь из Москвы в Петербург для усыновления моего дорогого мальчика». Но случилось непоправимое: Иван Петрович был убит, и это направило жизнь юного Костомарова по иному пути и удручающим образом подействовало на психику впечатлительного ребенка.

В имении отца, как уже упоминалось, было несколько переселенцев из Орловской губернии; из них кучер и камердинер жили во дворе, а третий, служивший прежде лакеем, был за пьянство изгнан со двора и жил в селе. Они организовали заговор — убить отца Николая Ивановича с намерением украсть у него деньги, которые, как они выяснили, хранились в шкатулке. К ним пристал человек,

бывший дядькой Костомарова во время пребывания Николая в московском пансионе. Злодейский умысел вынашивался уже несколько месяцев, наконец, убийцы решили исполнить его 14 июля. Отец Николая имел привычку ездить для прогулки в леса на расстоянии двух-трех верст от двора, иногда с сыном, иногда один. Вечером в роковой день он приказал заложить в дрожки пару лошадей и, посадив Николая с собою, велел ехать в рощу, носившую название Долгое. Николай Иванович вспоминал: «усевшись на дрожки, я по какой-то причине не захотел ехать с отцом и предпочел, оставаясь дома, стрелять из лука, что было тогда моею любимую забавою. Я выскочил из дрожек, отец поехал один. Прошло несколько часов, наступила лунная ночь. Отцу пора было возвращаться, мать моя ждала его ужинать — его не было. Вдруг вбегает кучер и говорит: «Барина лошади куда-то понесли». Сделался всеобщий переполох, послали отыскивать, а между тем два лакея, участники заговора, и — как есть подозрение — с ними и повар обделывали свое дело: достали шкатулку, занесли ее на чердак и выбрали из нее все деньги, которых было несколько десятков тысяч, полученных моим отцом за заложенное имение. Наконец, один из сельских крестьян, посланный для отыскания барина, воротился с известием, что, как вспоминал Николай Иванович,

«пан лежит неживый, а у его голова красна и кровь дзюрчить». С рассветом 15 июля мать моя отправилась со мною на место, и нам представилось ужасное зрелище: отец лежал в яру с головой обезображенной до того, что нельзя было приметить человеческого образа. Вот уже 47 лет прошло с тех пор, но и в настоящее время сердце мое обливается кровью, когда я вспомню эту картину, дополненную образом отчаяния матери при таком зрелище. Приехала земская полиция, произвела расследование и составила акт, в котором значилось, что отец мой несомненно убит лошадьми. Отыскивали даже на лице отца следы шипов от лошадиных подков. О пропаже денег следствия почему-то не произвели». Убийство Костомарова-отца представляется прямо-таки детективной историей, рассказанной самими юрасовцами и отраженной в архивных документах Воронежского окружного суда. Среди последних хранилось несколько дел, содержащих интересные сведения о семье Костомаровых, в том числе: «О предании случая смерти капитана Костомарова, убитого лошадьми, воле Божией», «О краже у помещицы Костомаровой из сундука разных вещей и денег крестьянином Мельниковым», «О крестьянах Василии Смыколове с прочими, судимых за ограбление дома помещицы Костомаровой». Суд умышленного убийства не

установил. В ином виде дело представлено в воспоминаниях Татьяны Петровны. Она свидетельствует, что муж ее был убит с целью ограбления дворовыми людьми: кучером, камердинером и изгнанным за пьянство лакеем. Версию матери передает Костомаров в «Автобиографии»: «убийство совершено из-за шкатулки с несколькими десятками тысяч рублей, полученными за заложенное имение».

Сами юрасовцы передают эту историю так: «Однажды вечером старый Костомаров уехал на пасеку, которая была в «Рахминовском лесу». Он любил ездить ночью и так убирал лошадей серебром, что, бывало, упряжь даже в темноте блестела, а бубенчиков столько навешивал на лошадей, что было слышно за несколько верст, как они гремели. И в тот роковой вечер, когда Костомаров ехал с пасеки, юрасовцы слышали, как гремели и дребезжали бубенцы и колокольчики вдали и как потом сразу оборвалось их дребезжание. В ту же минуту так страшно завыли собаки на господском подворье, что даже юрасовцы повыскакивали из своих хат. Спустя некоторое время прибежал кучер Костомарова Савка, рослый мужчина-силач, с криком: «Ой! ой! ой! руку кони выбылы и пана вбылы!» Но, увидавши его, ключник Бардан в свою очередь закричал: «Закуйте его, закуйте! вин бреше!»» Кучера заковали в

кандалы. Родня и крестьяне бросились на место самого происшествия, и вот что представилось их глазам. «Лошади с экипажем были загнаны в болото, у Костомарова оказались замотанными в вожжи руки с выкрученными пальцами, а на лбу зияла рана от лошадиной подковы. Все, по-видимому, было обставлено таким образом, чтобы показать, что перепугавшиеся лошади убили помещика. Но родня Татьяны Петровны не поверила этому, тем более что и подкова оказалась на лбу «навыворот», не в том положении, в каком она должна была бы быть, если бы лошадь ударила Костомарова заднею ногою, а вверх шипами». По ходу дела каждому из юрасовцев сразу же стало ясным, что убийство было совершено частью из мести, а частью — из-за грабежа. В то время, когда все бросились на место происшествия, костомаровский дом был ограблен — было взято много денег, которые Костомаров будто бы собирал для поездки в Петербург и «узаконения сына». Завязалось дело. Заподозренные в убийстве крестьяне сорили деньгами и замазывали прорехи в своем хозяйстве. Возможно, дело об убийстве помещика так бы и заглохло, но через 7 лет после нового покушения на дом Татьяны Петровны и ее родни один из участников убийства Костомарова сам проговорился в кабаке об этом деле очень открыто, и за дело взялся энергичный следователь

Граников. Убийцы при новом ведении дела сознались. Они рассказали, что «первый удар железным ключом от экипажа нанес помещику кучер Савка, отчего Иван Петрович сразу упал», что, «убивши помещика, они выкрутили ему пальцы, обмотали их вожжами, приложили ко лбу подкову и вогнули ее в лоб ключом». Виновных наказали и сослали в Сибирь, но юрасовцы утверждали, что наказаны были не все. Жители Юрасовки очень неодобрительно отзывались об умерших наследниках старика Костомарова, к которым перешли земли и имущество и которых не любил сам помещик. «Он не пускал родню дальше кухни, запирался от них в комнатах и пр.».

По другой версии, в 1833 году один из убийц сознался в совершенном вместе с другими дворовыми людьми преступлении, чувствуя угрызения совести. Он, говея ежегодно во время Великого поста, каждый раз сознавался «на духу» священнику, что участвовал в убийстве своего хозяина, но духовный отец не считал себя вправе передавать его властям и сохранял дело в тайне, советуя грешнику сделать признание самому и «принять наказание во искупление своего великого греха». Наконец, после семи лет тайного раскаяния, убийца принародно сознался, так как образ помещика не давал ему покоя: по ночам стоял у его постели и упрекал в совершенном убийстве. Когда

по распоряжению священника ударили в колокол, убийца припал к могиле и завопил: «Батюшка барин, Иван Петрович! Прости меня окаянного! Я убил тебя, и мне помогали загубить тебя товарищи дворовые крестьяне». Он назвал двоих. Но одного из них, по словам кающегося, уже не было в живых — он умер от болезни в груди, полученной вследствие сильного удара мощного кулака Ивана Петровича, защищавшегося от трех убийц. Другой преступник не сознался, на каторгу не был осужден, как его товарищ, и остался служить новым хозяевам.

Причиной убийства были деньги, но, видимо, в большей мере — чрезмерная жестокость помещика. Когда, по рассказам стариков, это случилось, вся Юрасовка твердила: «Слава Богу! Теперь буде хоть и гирший, та инший!» По воспоминаниям юрасовцев, все хорошее и светлое концентрируется вокруг двух личностей — Николая Ивановича и его матери.

После смерти отца малолетний Николай оказался в положении крепостного, чем и воспользовались законные наследники покойного — его племянники Ровневы. Они шантажировали убитую горем Татьяну Петровну, предложив ей в виде вдовьей части всего 50 000 рублей ассигнациями и при такой части выделенного наследства — свободу сыну. Выбора не было... и

она согласилась, купив затем небольшой участок земли с крепостными крестьянами.

ЮНОСТЬ: ГОДЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

Многое изменилось с тех пор в судьбе Николая. Его мать не жила уже в прежнем дворе, а поселилась в другом, находившемся в той же слободе. Николая отдали учиться в Воронежский пансион, который содержали тамошние учителя гимназии Федоров и попов. Пансион находился в то время в доме княгини Касаткиной, стоявшем на высокой горе, на берегу реки Воронеж, прямо против корабельной верфи Петра Великого, его цейхгауза и развалин его домика. Пансион пробыл в этом помещении целый год, а потом в связи с передачей дома в военное ведомство для школы кантонистов был переведен в другую часть города недалеко от Девичьего монастыря, в дом Бородина. Пансион не отличался добросовестными преподавателями, учили они, что называется, «чему-нибудь и как-нибудь». Хотя из нового помещения не было такого прекрасного вида, как из предыдущего, но зато при этом доме находился огромный тенистый сад с фантастической беседкой. При посещении беседки молодое воображение учеников пансиона рисовало себе разные чудовищные образы, почерпнутые из страшных

романов, которые были тогда в большой моде и читались с большим наслаждением тайком от менторов, мало заботившихся о полезном чтении своих учеников. Пансион, в который на этот раз был помещен Николай Костомаров, был одним из таких заведений. Здесь более всего стремились внешне показать что-то необыкновенное, превосходное, а в сущности мало дающее для надлежащего воспитания. Несмотря на свой тринадцатилетний возраст и шаловливый характер, Николай понимал, что в этом пансионе он не сможет получить знания, необходимые ему для поступления в университет. Уже в эти годы юный подросток думал об университете как о самом важном для того, чтобы стать образованным человеком. Большая часть обучавшихся в этом пансионе принадлежали к семьям помещиков, в которых господствовало мнение, что русскому дворянину не только незачем, но даже унижительно заниматься наукой и слушать университетские лекции. Дворянину приличней нести краткую военную службу с целью получения какого-нибудь чина, а после зарыться в свою деревенскую трущобу к своим холопам и собакам. Вот поэтому в пансионе не изучали предметы, необходимые для поступления в университет. «Само преподавание не было систематическим; не было даже деления на классы; один ученик учил то, другой иное; учителя